

Личностные особенности подростков с ограниченными возможностями здоровья как субъектов цифровой среды

Смышляева Екатерина Олеговна¹

Перевозкина Юлия Михайловна²

^{1,2}*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. В теоретической части статьи представлено описание подросткового возраста, социальной активности и цифровой среды, а также рассмотрена специфика личностных особенностей и социальной активности подростков с ограниченными возможностями здоровья в условиях цифровой среды. В практической части представлено исследование, целью которого является выявление личностных качеств у подростков с ограниченными возможностями здоровья в зависимости от их социальной активности в цифровом пространстве. Были применены методика “14-PF/HSPQ” Р. Кеттелла (А. Ю. Панасюк), опросник социально-ориентированной активности Р. М. Шамионова и М. В. Григорьевой и авторская анкета «Активность личности в цифровой среде» Ю. М. Перевозкиной и А. С. Тишковой (адаптация Е. О. Смышляевой). В исследовании участвовали 80 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, среди которых 40 подростков с нормой в развитии и 40 подростков, имеющих нарушения в здоровье. В итоге подростки с ограниченными возможностями здоровья, которые в большей степени проявляют социальную активность в цифровой среде, обладают высоким чувством вины, а подростки, проявляющие социальную активность в меньшей степени, обладают расслабленностью, напряженностью, моральной нормативностью, а также подчиненностью, доминантностью.

Ключевые слова: личность, личностные особенности, личностные качества, подростки, ограниченные возможности здоровья, субъект, цифровая среда.

Для цитирования: Смышляева Е. О., Перевозкина Ю. М. Личностные особенности подростков с ограниченными возможностями здоровья как субъектов цифровой среды // СМАЛЬТА. 2023. № 2. С. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2302.05>

Personal Characteristics of Adolescents with Disabilities as Subjects of the Digital Environment

Ekaterina O. Smyshlyayeva¹

Yulia M. Perevozkina²

^{1,2}*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The theoretical part of this article presents such concepts as personality, personal characteristics, social activity and digital environment, and also considers the specifics of personal characteristics and social activity of adolescents with disabilities in the digital environment. In the practical part, a study is presented, the purpose of which is to identify personal qualities in adolescents with disabilities, depending on their social activity in the digital space. The “14-PF/HSPQ” method by R. Cattell (A. Yu. Panasyuk), the socially oriented activity questionnaire by R. M. Shamionov and M. V. Grigorieva, and the author’s questionnaire “Personal Activity in the Digital Environment” by Yu. M. Perevozkina and A. S. Tishkova (adaptation by E. O. Smyshlyayeva). The study involved 80 adolescents aged 14 to 16 years, including 40 adolescents with normal development and 40 adolescents with health disorders. As a result, adolescents with disabilities who are more socially active in the digital environment will have a high sense of guilt, and those adolescents who will be less socially active will have relaxation, tension, moral normativity, as well as subordination, dominance.

Keywords: personality, personal characteristics, personal qualities, adolescents, disabilities, subject, digital environment.

For citation: Smyshlyayeva E. O., Perevozkina Yu. M. Personal Characteristics of Adolescents with Disabilities as Subjects of the Digital Environment. *SMALTA*, 2023, no. 2, pp. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2302.05>

Актуальность исследования личностных качеств у подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в зависимости от их социальной активности в цифровом пространстве обусловлена глобальными изменениями в образовательном сообществе в период пандемии COVID-19. В условиях изоляции занятия в образовательных организациях проводились в онлайн-формате, проверка домашних работ осуществлялась с помощью интернет-ресурсов. Взаимодействие педагогов и обучающихся происходило через сеть Интернет с помощью различных информационных платформ (Zoom, Microsoft Teams, Skype и др.). Влияние пандемии COVID-19 на систему образования заключалось в поиске новых подходов, в значимости роли преподавателей в обучающем процессе и важности их технической подготовки.

Современные подростки находятся в переживаниях из-за учебы, окружают себя гаджетами и постоянно проводят свободное время в цифровом мире, начинают забывать о реальном, в котором должна происходить социальная адаптация, социализация и полноценное формирование личности как субъекта общества. Уход от реального мира приводит к таким состояниям, как тревожность, депрессия, которые усугубляют постоянное нахождение в цифровом мире, приводя к цифровой зависимости и отрешенности от социума. Однако одним из способов самореализации подростков с ОВЗ является включение его в цифровое пространство. В связи с этим

особую значимость приобретает изучение личностных особенностей подростков, которые проявляются в цифровой среде. Следует отметить, что на развитие личности также влияет и социальная активность, которая является не менее важной для ее полноценного функционирования в социальной среде и достижения различных жизненных целей.

В обществе непрерывно увеличивается количество людей, имеющих проблемы со здоровьем, и наблюдается большой рост инвалидизации подрастающего поколения. Подростки с ОВЗ имеют такие существенные проблемы, как ограниченная двигательная активность, недостаточные контакты со сверстниками, взрослыми людьми и с миром в целом, недоступность некоторых культурных ценностей, возможности получить качественное образование. К данной категории относят индивидов, имеющих нарушения зрения, слуха, функций опорно-двигательного аппарата, речи, а также выраженные расстройства эмоционально-волевой сферы, в частности ранний детский аутизм, умственная отсталость и задержка психического развития.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского, деятельностным подходом А. Н. Леонтьева, теорией черт Г. Олпорта и Р. Кеттелла, а также принципами субъектности и детерминизма.

Отечественный психолог Л. С. Выготский [3], называя подростковый возраст одной из самых сложных критических эпох в онтогенезе человека, характеризовал его как период, в котором равновесие, сложившееся в предшествующем детском возрасте, нарушено в связи с появлением мощного фактора полового созревания, а новое еще не обретоно. В этом определении акцентируются два момента, ключевые для понимания биологической стороны проблемы подростковых кризов: роль процесса полового созревания и роль неустойчивости различных физиологий. Г. Крэйг [9] отмечает, что период полового созревания характеризуется повышением уровня гормонов, а это, в свою очередь, приводит к возбуждению или, наоборот, торможению нервных процессов. Как следствие, у подростка возможны следующие проявления в поведении: частая смена настроения, депрессия, неусидчивость, плохая концентрация внимания, раздражительность, импульсивность, тревога, агрессия и проблемное поведение. К. С. Лебединская, М. М. Райская, Г. В. Грибанова [10] отмечают у подростков с ОВЗ недостаточную познавательную активность, которая серьезно тормозит их обучение и развитие. Психолог Г. Е. Сухарева считает, что «для детей и подростков с задержкой психического развития характерна, главным образом, недостаточная зрелость аффективно-волевой сферы» [23, с. 18]. Анализируя динамику развития неустойчивых личностей, Г. Е. Сухарева подчеркивает, что их «социальная адаптация больше зависит от влияния окружающей среды, чем от них самих. С одной стороны – они повышено-внушаемы и импульсивны, а с другой – полюс незрелости высших форм волевой деятельности, неспособность к выработке устойчивого социально одобряемого жизненного стереотипа к преодолению трудностей, склонность идти по пути наименьшего сопротивления, невыработанность собственных запретов, подверженность отрицательным внешним влияниям. Все эти критерии характеризуют низкий уровень критичности, незрелость, неспособность адекватно оценить ситуацию, а вследствие этого у детей с ОВЗ не возникает тревожность» [23, с. 34]. Также Г. Е. Сухарева использует термин «психическая неустойчивость» применительно к нарушениям поведения у подростков, понимая под ним «отсутствие сформированности собственной линии поведения из-за повышен-

ной внушаемости, склонности руководствоваться в поступках эмоцией удовольствия, неспособности к волевому усилию, систематической трудовой деятельности, стойким привязанностям и вторично, в связи с перечисленными особенностями – сексуальную незрелость личности, проявляется в слабости и неустойчивости морально нравственных установок» [23, с. 56].

Можно сказать, что подростковый возраст является особой категорией в психологии и для него свойственны следующие особенности: половое созревание и физиологическое развитие; изменение социальной ситуации развития (переход от детства к самостоятельности и утверждение собственного «Я»); смена ведущей деятельности (преобладающей становится интимно-личностная сфера, а не учебная); становление рефлексивного сознания. В связи с этим большой интерес вызывает изучение социальной активности и личностных особенностей подростков с ОВЗ в цифровой среде.

Согласно деятельностному подходу А. Н. Леонтьева [12], человек приобретает личностные качества в результате взаимодействия с социумом. Личность развивается в деятельности, формирует и преобразует ее. Фактически, если человек вступает во множество социальных связей, которые ориентированы на общественно полезную деятельность, то у него сформирована социальная активность. Российский психолог В. А. Петровский [18] связывает понятия «активность» и «деятельность» и рассматривает их в рамках единого определения, которое звучит следующим образом: активность есть совокупность моментов движения, вызываемых личностью, которые обеспечивают установление, реализацию, развитие и темп деятельности. Философ Е. А. Ануфриев [2] отмечает, что социальная активность – это активность, способствующая коллективному прогрессу, наполнению жизни человека смыслом и ориентированию его на положительные социальные ценности. К. А. Альбуханова-Славская [1] говорит о том, что активность и деятельность различаются тем, что деятельность нуждается в предмете, активность – в деятельности. Активность направлена на деятельность, но определяется субъектом и принадлежит субъекту. Следовательно, активность выступает «посредником» между действиями человека и требованиями общества. Общество определяет формы деятельности и требования к деятельности человека, а человек создает и реализует индивидуальные формы активности в своей деятельности. А. В. Карпов и Ю. М. Перевозкина [7] предлагают рассматривать социальную активность в качестве одного из показателей социализации личности, которая фиксирует глубину и интенсивность включения субъекта в социальное пространство. При этом Ю. М. Перевозкина [16] определяет процесс социализации как системный комплекс, который объединяет три системы: личность, культуру и социум. Социальная активность отражает взаимодействие между тремя системами, предполагающими, что личность включается в более общую систему – социум, который проникает в личность в виде ролей, норм, правил, ценностей и пр., становясь ее компонентом, а затем осуществляет регуляцию субъекта социального взаимодействия.

Немецкий психолог К. Ц. Левин [11] в своей теории поля рассматривает квазипотребности, отвечающие за регулирование поведения. По его мнению, квазипотребность – это некоторая напряженная система, возникающая в конкретной ситуации, обеспечивающая деятельность человека и стремящаяся к саморазрядке. Следовательно, как только начинается разрядка, человеческая деятельность приобретает социальную активность.

Отметим, что под активностью большинство ученых понимают показатель движения и деятельности, а также способ взаимодействия с социумом. В свою очередь цифровая активность предполагает сочетание уже двух понятий, поэтому подробно рассмотрим понятие цифровизации, а затем перейдем к исследованию цифровой активности у подростков с ОВЗ.

Термин «цифровизация» не приобрел четкого научного толкования и поэтому является важной проблемой, охватывающей все сферы жизни людей и изменяющей их взгляды и образ жизни, приводящей к трансформации рабочих процессов, межличностного общения, развлечений.

Я. В. Гайворонская и О. И. Мирошниченко [4] выделяют три смысловых значения термина «цифровизация»:

- 1) уход от аналоговой формы распространения информации и переход на цифровую;
- 2) копирование информации, переход информации на цифровой формат для ее будущего хранения, распространения и использования;
- 3) огромный спектр экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с применением и распространением цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни.

В рамках социальных наук В. В. Загребин и Е. А. Серова [5] объясняют феномен «цифровизация» как новейшую социальную реальность, результатом которой является постепенное вытеснение всех аналоговых объектов, систем и процессов в экономике, культуре и повседневной жизни человека.

Исследователи Т. В. Никулина и Е. Б. Стариченко [13] утверждают, что ключевым институтом социализации личности выступает образование, реализующееся в форме дистанционного обучения, которое осуществляется на основе информационных технологий.

По мнению С. А. Кравченко [8], в рамках цифровизации в обществе устанавливаются пассивные формы существования, не направленные на развитие стремления к деятельности и не нацеленные на общественно значимые изменения, в результате чего происходит распространение информации, которая лишена культуры и ориентирована на адаптацию людей к цифровой среде. W. H. Vanderburg [28] отмечает абсолютную зависимость людей от «гугления», которое коренным образом меняет их жизнь, и они начинают жить бескультурно, поэтому приходится полагаться на факты и мнения, доступные с мобильных телефонов и компьютеров. К. И. Попова [19] указывает на то, что в наше время обладание знаниями и информацией является ценным критерием, разделяющим общество на неравноправные социальные группы и слои. В этом понимании цифровое неравенство отражает возможности доступа к сети Интернет, а также неравномерное технологическое развитие человека в современном мире, отсутствие возможностей использования ИКТ.

Э. Шмидт и Дж. Коэн [25], анализируя современный этап технологического развития общества, полагают, что процесс цифровизации формирует новый тип культуры – цифровой, определяющий специфику современного общества. Исходя из этого, С. Л. Кандыбович и Т. В. Разина [6] считают, что большая часть общения между людьми происходит в социальных сетях, которые формируют цифровое пространство социализации. По мнению Л. Н. Соловьевой [22], благодаря включению человека в информационную среду формируется цифровая идентичность, отража-

ющая опыт и осознание субъекта как составной части единого, глобального и виртуального пространства, а также новый вид информационной реальности.

Еще одной проблемой современного общества является формирование социальной активности подростков с ОВЗ в цифровой среде. Формирование социальной активности у подростков с ОВЗ происходит в цифровой среде через внедрение информационных технологий в образовательную сферу. Цифровизация образования приводит к изменениям на рынке труда, в образовательных стандартах, необходимости формирования новых компетенций населения и направлена на реорганизацию образовательного процесса. Система цифрового образования включает в себя информационные ресурсы (медиа, фото, аудио, образовательные порталы, веб-сайты), телекоммуникации (СМИ, телевидение, телеконференции, почтовые службы) и систему управления. Использование цифровых средств в процессе обучения формирует учебную деятельность подростков с ОВЗ, облегчает усвоение материала при изучении сложной информации. С помощью цифровых образовательных инструментов подростки с ОВЗ учатся работать самостоятельно, проявлять инициативу, легко ладить с друзьями, самостоятельно и охотно приобретать новые знания, принимать решения, раскрывать свой творческий потенциал, чувствовать себя уверенно и осознавать свою идентичность. Внедрение цифровых технологий в обучение подростков с ОВЗ включает в себя, прежде всего, формирование у них навыков социального взаимодействия, которые достигаются в процессе приобретения коммуникативного опыта. Подростки с ОВЗ могут использовать цифровые технологии для общения с учителями и сверстниками, моделировать таким образом групповую форму обучения. Такое взаимодействие позволяет детям с ОВЗ реализовать себя как полноправных участников образовательного процесса, помогает преодолеть замкнутость и развить коммуникативный потенциал. С. Б. Перевозкин и Ю. М. Перевозкина [15] отмечают, что если подросток активно включается в социальную реальность в онлайн- или офлайн-форматах, то он эффективно осваивает социальные роли, обучается распознавать эмоциональные реакции как собственные, так и окружающих. Это способствует развитию у подростков личностной и социальной идентичности, социального и эмоционального интеллекта, эмпатии и пр.

В результате применения методики «Бергенская шкала зависимости от социальных сетей» (BSMAS) F. Bányai, A. Zsila и O. Király [26] выяснили, что только у 4,5 % подростков преобладает проблемный уровень использования социальных сетей. Данные подростки характеризуются низким интересом к реальному миру, отстраненностью от проблем, терпимостью к повышению активности в социальных сетях, а также использованием социальных сетей более 30 часов в неделю, пониженным уровнем самооценки и высоким уровнем симптомов депрессивного состояния. Исследователи из Испании В. Martínez-Ferrer, D. Moreno и G. Musitu [27] отмечают, что часть подростков, наиболее часто использующих социальные сети, демонстрирует повышенный уровень агрессивности, в особенности словесной.

В статье В. С. Собкина и А. В. Федотовой [20] обнаруживается, что на сегодняшний день 95 % детей подросткового возраста являются зарегистрированными пользователями в социальных сетях. Авторы отмечают, что такие качества, как лидерство, отверженность, сформированность и несформированность планов, оптимизм, пессимизм играют огромную роль в формировании характера самопрезентации подростка в социальной сети; подростки, которые расширяют социальную среду своего общения склонны к проявлению манипуляций, а подростки, которые ориен-

тируются при общении в сети на ближайшее социальное окружение, стремятся не выходить за рамки дозволенного. Когда подростки повышают активность и интенсивность использования социальных сетей, тогда снижается их восприимчивость к нарушению норм и правил поведения.

В исследовании Г. У. Солдатовой, В. Н. Шляпникова и В. Н. Журиной [21] отмечается, что в настоящее время интернет-пространство занимает первое место в социализации подростков, в том числе подростков с ОВЗ, и, следовательно, приводит к рискам, которые связаны с бесконтрольным использованием цифровых методов.

Благодаря информационным технологиям, сети Интернет, социальным сетям и пр., подростки с ОВЗ устанавливают контакты с другими людьми и не застревают на своих особенностях. Информационная среда оказывает на подростков с ОВЗ также и негативное влияние, которое проявляется в агрессивности, отверженности от реального мира и т. д.

В качестве испытуемых для эмпирического исследования были выбраны 80 обучающихся МБОУ СОШ № 155 и МАОУ СОШ № 216 в возрасте от 14 до 16 лет, среди которых 40 подростков с нормой в развитии и 40 подростков с ОВЗ.

С целью выявления личностных качеств у подростков с ОВЗ в зависимости от их социальной активности в цифровом пространстве были применены следующие методики: психодиагностическая методика «14-PF (HSPQ)» Р. Б. Кеттелла (адаптация А. Ю. Панасюка) [14], опросник социально-ориентированной активности Р. М. Шамина и М. В. Григорьевой [24], авторская анкета «Активность личности в цифровой среде» Ю. М. Перевозкиной и А. С. Тишковой (адаптация Е. О. Смышляевой) [17]. Для сравнения двух независимых групп был применен критерий t-Стьюдента.

По результатам проведения сравнительного исследования подростков с ОВЗ по психодиагностической методике «14-PF (HSPQ)» Р. Б. Кеттелла (адаптация А. Ю. Панасюка) удалось составить профиль личности, представленный на рис. 1.

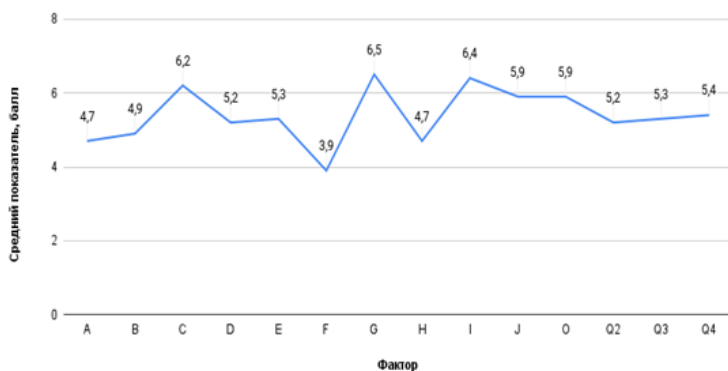

Рис. 1. Профиль личностных качеств подростков с ОВЗ по методике «14-PF (HSPQ)» (Р. Б. Кеттелл, А. Ю. Панасюк)

По результатам диагностики обнаружено, что в большей степени выражены факторы G (моральная нормативность) ($M = 6,5$) и I (практицизм/чувствительность) ($M = 6,4$), а наименее выражены факторы А (шизотимия/аффектомия) ($M = 4,7$), F (осторожность/легкомыслие) ($M = 3,9$) и H (застенчивость/авантюризм) ($M = 4,7$). Полученные данные позволяют говорить о том, что у подростков с ОВЗ преоблада-

ют высокая моральная нормативность и чувствительность, что говорит о них, как об исполнительных людях, придерживающихся норм и правил поведения общества, они обладают высокой эмоциональной чувствительностью, нетерпеливостью, непрактичностью, несамостоятельностью, зависимостью и капризностью. Менее выражены такие факторы, как шизотимия, осторожность и застенчивость, которые характеризуют их как сдержанных, критичных и отчужденных личностей, также такие подростки очень мрачны и пессимистичны. Они застенчивы и сдержаны, не склонны поддерживать отношения с другими людьми, имеют трудности во включении в социум, а также избегают самовыражения.

Среднегрупповые значения компонентов социальной активности подростков с ОВЗ по опроснику социально-ориентированной активности (Р. М. Шамионов и М. В. Григорьева) отражены на рис. 2.

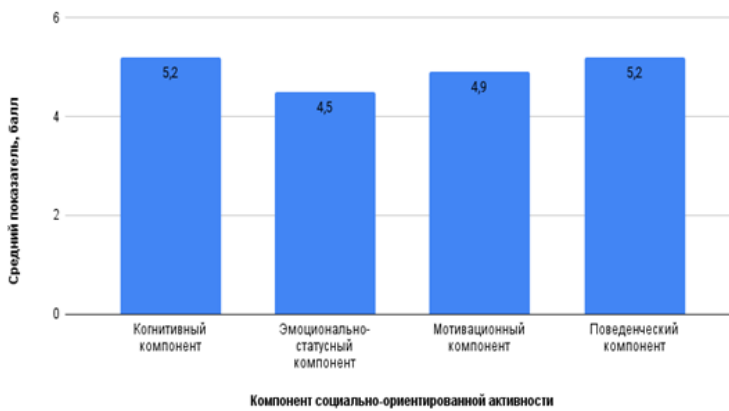

Рис. 2. Среднегрупповые значения компонентов социальной активности подростков с ОВЗ по опроснику социально-ориентированной активности (Р. М. Шамионов и М. В. Григорьева)

В результате выявлено, что в большей степени у подростков с ОВЗ преобладают показатели по когнитивному и поведенческому компонентам социальной активности ($M = 5,2$), что свидетельствует о знании об отнесении к определенным социальным группам, а также о позитивности в социальных контактах, желании учитывать точки зрения и заинтересованности в других людях. Наименее выражены показатели подростков с ОВЗ по эмоционально-статусному компоненту социальной активности ($M = 4,5$). Полученные эмпирические результаты свидетельствуют о небольшом количестве контактов, сниженном стремлении к контактам с высоко статусными и «нужными» людьми и не успешности в социальных контактах.

С целью проверки гипотезы на достоверность проведенного исследования был применен параметрический критерий t -Стьюдента для изучения различий по признаку, измеренному в метрической шкале, в нашем случае для сравнения двух независимых групп.

При применении сравнительного анализа было выявлено 11 значимых различий (табл.).

**Статистически значимые различия в личностных качествах подростков с ОВЗ
в зависимости от социальной активности в цифровой среде**

Факторы цифровой активности	Личностные качества	Среднее – нет	Среднее – да	t -знач.	p (уровень значимости)
Состоите ли Вы в сообществах в сети Интернет (например, форумы)?	Расслабленность/напряженность (Q4)	6,25	4,75	2,28	0,03
Дает ли Вам ощущение безопасности использование любого изображения, кроме собственной фотографии, в качестве аватара в мессенджерах?	Расслабленность/напряженность (Q4)	5,71	4,12	2,05	0,05
Состоите ли Вы в группах/беседах/сообществах в мессенджерах для обмена сообщениями?	Моральная нормативность (G)	6,86	4,17	3,52	0,01
Часто ли Вы получаете поддержку в социальных сетях со стороны пользователей?	Поведенческий компонент	5,79	4,93	2,23	0,03
Является ли Ваш профиль в наиболее часто используемой социальной сети общедоступным (открытым) для других пользователей?	Эмоционально-статусный компонент	4,84	4,02	2,57	0,02
	Поведенческий компонент	5,59	4,70	2,47	0,02
Публикуете ли Вы посты в личном профиле в наиболее часто используемой социальной сети?	Мотивационный компонент	5,19	4,40	2,19	0,04
Комментируете ли Вы публикации (посты) других пользователей в социальных сетях?	Подчиненность/доминантность (С)	6,20	4,47	2,63	0,01
	Склонность к чувству вины (О)	5,30	6,42	-2,05	0,04
Публикуете ли Вы истории (сторис) в социальных сетях?	Самоконтроль (Q3)	5,43	3,50	2,49	0,02
Встречались ли Вы когда-то в реальной жизни с теми, с кем знакомились в сети Интернет?	Мотивационный компонент	5,21	4,03	3,12	0,01

Так, первое достоверное различие обнаружено по фактору «Расслабленность/напряженность (Q4)» ($t = 2,28$ при $p = 0,03$), где у подростков с ОВЗ, которые не состоят в сообществах в сети Интернет ($M = 6,25$), больше выражен данный параметр,

чем у подростков с ОВЗ, которые состоят в сообществах в сети Интернет ($M = 4,75$). Это говорит о том, что у подростков, не состоящих в сообществах в сети Интернет, преобладает расслабленность, а у подростков, которые состоят в сообществах, наоборот, напряженность. Второе достоверное различие обнаружено по фактору «Расслабленность/напряженность» (Q_4) ($t = 2,05$ при $p = 0,05$), где у подростков, которые не ощущают безопасность при использовании любого изображения, кроме собственной фотографии, в качестве аватара в мессенджерах ($M = 5,71$), более выражен данный параметр, чем у подростков, которые ощущают безопасность при использовании любого изображения, кроме собственной фотографии ($M = 4,12$). Можно сказать, что подростки, не ощущающие безопасность при использовании любого изображения, кроме своей фотографии, обладают в большей степени расслабленностью, а те, кто ощущают – напряженностью. Третье достоверное различие обнаружено по фактору «Моральная нормативность» ($t = 3,52$ при $p = 0,01$), где данный фактор выше у тех подростков, которые не состоят в группах/беседах/сообществах в мессенджерах для обмена сообщениями ($M = 6,86$), и ниже у тех подростков, которые состоят в них ($M = 4,17$). Это говорит о том, что подростки, не состоящие в группах/беседах/сообществах в мессенджерах, обладают желанием помогать другим людям и стремлением быть полезными обществу в большей степени, чем подростки, которые состоят в них. Четвертое достоверное различие обнаружено по фактору «Поведенческий компонент» ($t = 2,23$ при $p = 0,03$), где данный фактор больше выражен у подростков, которые не часто получают поддержку в социальных сетях ($M = 5,79$), а меньше выражен у тех, кто часто ее получает ($M = 4,93$). Полученный результат показывает, что подростки, редко получающие поддержку в социальных сетях, в большей степени отличаются позитивностью в социальных контактах и способностью учитывать все точки зрения, а подростки, которые получают поддержку, – в меньшей степени. Пятое и шестое достоверные различия обнаружены по факторам «Эмоционально-статусный компонент» ($t = 2,57$ при $p = 0,02$) и «Поведенческий компонент» ($t = 2,47$ при $p = 0,02$), где фактор «Эмоционально-статусный компонент» в большей степени выражен у подростков, у которых профиль в наиболее часто используемой социальной сети не является общедоступным (открытым) для других пользователей ($M = 4,84$), а у тех, у кого является общедоступным ($M = 4,02$), – в меньшей степени. Результаты по фактору «Поведенческий компонент» показывают, что подростки, у которых профиль не открыт для других пользователей ($M = 5,59$), обладают этим компонентом в большей степени, чем подростки, у которых профиль открыт ($M = 4,70$). Исходя из полученных данных, можно сказать, что подростки, у которых профиль не открыт, обладают как фактором «Эмоционально-статусный компонент», так и фактором «Поведенческий компонент». Это характеризует их как общительных, успешных в социальных контактах, а также как заинтересованных в других людях и общении с ними. Седьмое достоверное различие обнаружено по фактору «Мотивационный компонент» ($t = 2,19$ при $p = 0,04$), где данный фактор больше выражен у подростков, которые не публикуют посты в личном профиле в наиболее часто используемой социальной сети ($M = 5,19$), и меньше выражен у подростков, которые публикуют посты ($M = 4,40$). Можно сказать, что подростки, не публикующие посты в социальных сетях, обладают заинтересованностью в других людях и желанием помогать им. Восьмое и девятое достоверные различия обнаружены по факторам «Подчиненность/доминантность (С)» ($t = 2,63$ при $p = 0,01$) и «Склонность к чувству вины (О)» ($t = -2,05$

при $p = 0,04$), где фактор «Подчиненность/доминантность (С)» выражен в большей степени у тех подростков, которые не комментируют публикации (посты) других пользователей в социальных сетях ($M = 6,20$), и в меньшей степени у тех подростков, которые комментируют публикации (посты) ($M = 4,47$). Фактор «Склонность к чувству вины (О)» преобладает у подростков, которые комментируют публикации (посты) других пользователей ($M = 6,42$), и меньше – которые не комментируют ($M = 5,30$). Полученные данные позволяют говорить о том, что у подростков, которые не комментируют публикации (посты) других пользователей в социальных сетях преобладает доминантность, а у тех подростков, которые комментируют, – подчиненность. Также подростки, которые комментируют публикации (посты), обладают выраженным чувством вины, а у подростков, которые не комментируют публикации, вина выражена меньше. Десятое достоверное различие обнаружено по фактору «Самоконтроль (Q3)» ($t = 2,49$ при $p = 0,02$), где подростки, не публикующие истории (сторис) в социальных сетях ($M = 5,43$), обладают данным фактором в большей мере, чем подростки, которые публикуют ($M = 3,50$). Полученный результат позволяет охарактеризовать подростков как социально-чувствительных, заботливых, необидчивых и надежных. Одиннадцатое различие обнаружено по фактору «Мотивационный компонент» ($t = 3,12$ при $p = 0,01$), где подростки, которые никогда не встречались в реальной жизни с теми, с кем знакомились в сети Интернет ($M = 5,21$), обладают данным фактором в большей степени, чем подростки, которые когда-либо встречались со своими собеседниками в реальной жизни ($M = 4,03$).

Таким образом, результаты эмпирического исследования показали, что у личности подростков с ОВЗ преобладает высокая моральная нормативность и чувствительность, что говорит о них как о сознательных и исполнительных людях, придерживающихся норм и правил поведения общества, а также они обладают высокой эмоциональной чувствительностью, нетерпеливостью, непрактичностью, несамостоятельностью, зависимостью и капризностью. Подростки с ОВЗ характеризуются умением общаться с другими людьми, знанием об отнесении к определенным социальным группам, а также позитивностью в социальных контактах, способностью учитывать точки зрения и заинтересованностью в других людях.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы личностных особенностей подростков с ОВЗ в цифровой среде мы видим в более подробном ее изучении. В процессе работы была адаптирована анкета «Цифровая активность личности», которая может применяться педагогами, психологами, дефектологами и специалистами в области психологии. Данная анкета позволит определить посещаемые и часто используемые интернет-ресурсы, мессенджеры, наличие профиля в социальных сетях, посещаемые сайты знакомств в сети Интернет, а также игровые сайты. Полученные данные помогут определить уровень цифровой социализации личности и, соответственно, использование социальных сетей.

Список источников

1. *Абульханова-Славская К. А., Славская А. Н., Леванова Е. А., Пушкарева Т. В.* Представление о личности [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI век. 2018. № 4-1. С. 71–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36954602> (дата обращения: 07.01.2023).
2. *Ануфриев Е. А.* Социальный статус и активность личности: личность как объект и субъект социальных отношений. М.: МГУ, 1984. 388 с.
3. *Выготский Л. С.* Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.

4. *Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И.* Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. № 4. С. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
5. *Загребин В. В., Серова Е. А.* Процесс цифровизации в условиях глобальной неопределенности [Электронный ресурс] // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 22 апреля 2020 г.). Ярославль: Цифровая типография, 2020. С. 79–84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43779782> (дата обращения: 20.01.2023).
6. *Кандыбович С. Л., Разина Т. В.* Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды [Электронный ресурс] // Мировые цивилизации. 2019. Т. 4, № 3–4. С. 23–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44570563> (дата обращения: 20.01.2023).
7. *Карпов А. В., Перевозкина Ю. М.* Структурно-темпоральная системность ролевой социализации // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.01
8. *Кравченко С. А.* Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7>
9. *Крэйг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2019. 940 с.
10. *Лебединская К. С., Райская М. М., Грибанова Г. В.* Подростки с нарушениями в аффективной сфере: клинико-психологическая характеристика «трудных» подростков. М.: Педагогика, 2009. 168 с.
11. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
12. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.
13. *Никулина Т. В., Стариченко Е. Б.* Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113. DOI: <https://doi.org/10.26170/po18-08-15>
14. *Панасюк А. Ю.* Адаптированный вариант личностного опросника для детей (Методические разработки для специалистов и студентов). Л.: ЛПМИ, 1977. 21 с.
15. *Перевозкина С. Б., Перевозкина Ю. М.* Мотивационно-ролевые модели социализации в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Развитие человека в современном мире. 2020. № 1. С. 49–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42771170> (дата обращения: 17.01.2023).
16. *Перевозкина Ю. М.* Субстанционально-темпоральная системность ролевой социализации личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 307 с.
17. *Перевозкина Ю. М., Тишкова А. С.* Цифровая социализация личности: исследовательские задачи, практические возможности [Электронный ресурс]: электронное учебное пособие. Новосибирск: Институт открытого дистанционного образования НГПУ, 2023. Доступна эл. версия. Режим доступа: <https://lib.nspu.ru/umk/abfb5d3141256bfb/> (доступ по паролю).
18. *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. 255 с.
19. *Попова К. И.* Сущность и тенденции развития цифрового неравенства в мире [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования 2018. № 11 (47). С. 100–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35585408> (дата обращения: 17.01.2023).
20. *Собкин В. С., Федотова А. В.* Подросток в социальных сетях: риски и реакции [Электронный ресурс] // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. № 1. С. 47–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yupkmu> (дата обращения: 20.01.2023).
21. *Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А.* Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 3. С. 50–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>

22. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 40–43. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.6>
23. Сухарева Г. Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. М.: Медицина, 2011. 337 с.
24. Шамионов Р. М., Григорьева М. В. Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/74/2>
25. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
26. Bányai F., Zsila Á., Király O. [etc.] Problematic Social Media Use: Results from a Large-Scale Nationally Representative Adolescent Sample. PLoS ONE. 2017. Vol. 12, Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0169839>
27. Martínez-Ferrer B., Moreno D., Musitu G. Are Adolescents Engaged in the Problematic Use of Social Networking Sites More Involved in Peer Aggression and Victimization? // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00801>
28. Vanderburg W. H. Our Battle for the Human Spirit. Toronto: University of Toronto Press, 2016. 440 p.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A., Slavskaya A. N., Levanova E. A., Pushkareva T. V. The Idea of Personality [Electronic resource]. *Lecturer XXI Century*, 2018, no. 4–1, pp. 71–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36954602> (date of access: 07.01.2023). (In Russian)
2. Anufriev E. A. *Social Status and Personality Activity: Personality as an Object and Subject of Social Relations*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1984, 388 p. (In Russian)
3. Vygotsky L. S. *Child Psychology*. Moscow: Pedagogika Publ., 1984, 432 p. (In Russian)
4. Gayvoronskaya U. V., Miroshnichenko O. I. Legal Problems of Digitalization: Theoretical and Legal Aspect. *Legal Paradigm*, 2019, no. 4, pp. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3> (In Russian)
5. Zagrebin V. V., Serova E. A. The Process of Digitalization under Conditions of Global Uncertainty [Electronic resource]. *Opportunities and Threats of the Digital Society: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Yaroslavl, April 22, 2020)*. Yaroslavl: Cifrovaya tipografiya Publ., 2020, pp. 79–84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43779782> (date of access: 20.01.2023). (In Russian)
6. Kandybovich S. L., Razina T. V. Features of the Socialization of Youth in the Conditions of the Modern Digital Environment [Electronic resource]. *World Civilizations*, 2019, vol. 4, issue 3–4, pp. 23–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44570563> (date of access: 20.01.2023). (In Russian)
7. Karpov A. V., Perevozkina Yu. M. Structural and Temporal Consistency of Role Socialization. *System Psychology and Sociology*, 2019, no. 3 (31), pp. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.31.3.01> (In Russian)
8. Kravchenko S. A. Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Tendencies in the Youth Environment. *Sociological Research*, 2019, no. 10, pp. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7> (In Russian)
9. Craig G., Bockum D. *Psychology of Development*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2019, 940 p. (In Russian)
10. Lebedinskaya K. S., Raiskaya M. M., Gribanova G. V. *Adolescents with Affective Disorders: Clinical and Psychological Characteristics of “Difficult” Adolescents*. Moscow: Pedagogika Publ., 2009, 168 p. (In Russian)

11. Levin K. *Field Theory in the Social Sciences*. Saint Petersburg: Rech Publ., 2000, 368 p. (In Russian)
12. Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl Publ., 2005, 431 p. (In Russian)
13. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Informatization and Digitalization of Education: Concepts, Technologies, Management. *Pedagogical Education in Russia*, 2018, no. 8, pp. 107–113. DOI: <https://doi.org/10.26170/po18-08-15> (In Russian)
14. Panasyuk A. U. *An Adapted Version of the Personality Questionnaire for Children (Methodological Developments for Specialists and Students)*. Leningrad: Publishing House of Leningrad Pediatric Medical Institute, 1977, 21 p. (In Russian)
15. Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M. Motivational-Role Models of Socialization in Adolescence [Electronic resource]. *Human Development in the Modern World*, 2020, no. 1, pp. 49–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42771170> (date of access: 17.01.2023). (In Russian)
16. Perevozkina Yu. M. *Substance-Temporal Systemic Role Socialization of Personality*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk State Pedagogical University, 2019, 307 p. (In Russian)
17. Perevozkina Yu. M., Tishkova A. S. *Digital Socialization of Personality: Research Tasks, Practical Possibilities*: electronic textbook. Novosibirsk: Institute of Open Distance Education of Novosibirsk State Pedagogical University, 2023. An electronic version is available. Access mode: <https://lib.nspu.ru/umk/a6fb5d3141256bfb/> (password access). (In Russian)
18. Petrovsky A. B. *Personality. Activity. Collective*. Moscow: Politizdat Publ., 1982, 255 p. (In Russian)
19. Popova K. I. Essence and Trends in the Development of Digital Inequality in the World [Electronic resource]. *Bulletin of Science and Education*, 2018, no. 11 (47), pp. 100–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35585408> (date of access: 17.01.2023). (In Russian)
20. Sobkin V. S., Fedotova A. V. A Teenager in Social Networks: Risks and Reactions [Electronic resource]. *Questions of Mental Health of Children and Adolescents*, 2018, no. 1, pp. 47–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yupkmu> (date of access: 20.01.2023). (In Russian)
21. Soldatova G. U., Shlyapnikov V. N., Zhurina M. A. The Evolution of Online Risks: The Results of the Five-year Work of the Children Online Help Line. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015, vol. 23, issue 3, pp. 50–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304> (In Russian)
22. Solovieva L. N. Digital Identity as a New Type of Human Identity of the Information Age. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2018, no. 12 (56), pp. 40–43. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.6> (In Russian)
23. Sukhareva G. E. *Clinical Lectures on Childhood Psychiatry*. Moscow: Medicina Publ., 2011, 337 p. (In Russian)
24. Shamionov R. M., Grigoryeva M. V. Methods of Diagnosing the Components of Socially-Oriented Activity. *Siberian Psychological Journal*, 2019, no. 74, pp. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/74/2> (In Russian)
25. Schmidt E., Cohen J. *New Digital World. How Technologies Change People's Lives, Business Models and the Concept of the State*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013, 368 p. (In Russian)
26. Bányai F., Zsila Á., Király O. [etc.] Problematic Social Media Use: Results from a Large-Scale Nationally Representative Adolescent Sample. *PLoS ONE*, 2017, vol. 12, issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0169839>
27. Martínez-Ferrer B., Moreno D., Musitu G. Are Adolescents Engaged in the Problematic Use of Social Networking Sites More Involved in Peer Aggression and

Victimization? *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00801>

28. Vanderburg W. H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press Publ., 2016, 440 p.

Информация об авторах

Смышляева Екатерина Олеговна – студент факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, ekaterinasmyshlyaeva@bk.ru

Перевозкина Юлия Михайловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>, per@bk.ru

Information about the Authors

Ekaterina O. Smyshlyaeva – Student of Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ekaterinasmyshlyaeva@bk.ru

Yulia M. Perevozkina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>, per@bk.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Authors' contribution: Authors have all made an equivalent contribution to preparing the article for publication.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила: 13.05.2023

Одобрена после рецензирования: 17.06.2023

Принята к публикации: 26.06.2023

Received: 13.05.2023

Approved after peer review: 17.06.2023

Accepted for publication: 26.06.2023

